

UPDATING OF THE PROPOSITIONAL
CONTENT OF THE WORD (TO THE PROBLEM
OF ONTOLOGY OF THE VERBAL CULTURE
CONCEPT)

V. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan

The linguistic aspect of the concept of verbal culture is considered in the article. Unlike the literary approach, thesis that the verbal (language) culture in ontology is primarily the phenomenon of language, which acts as a product of creative discursive activity of linguistic identity, is substantiated. This thesis is reasoned by the analysis of semantic processes, connected with updating of the propositional content in Russian verbal nouns. As a result of semantic derivations the unorthodox word meaning as the language unit and as the concept, which becomes property of spiritual, verbal culture, is formed.

Keywords: verbal (language) culture, semantic derivation, propositional structure, valency, actant, verbal noun.

Conference participant, National championship in scientific analytics, Open European and Asian research analytics championship

Понятие словесной (языковой) культуры, часто используемое без строгой научной дефиниции, принято относить ко всей совокупности словесного творчества определенного народа и человечества в целом. Прежде всего имеются в виду произведения художественной литературы («изящная словесность») и любые тексты, составленные на определенном языке. Именно в таком контексте использовано выражение «словесная культура» в названии настоящей конференции. Однако словесная культура – это прежде всего феномен языка человека, который следует рассматривать как продукт речемыслительной (дискурсивной) деятельности языковой личности. Понятно, что лингвистический аспект словесной культуры следует считать основой изучения и исследования любых произведения человеческого творчества, в том числе и произведений художественной литературы. Именно такой, «лингвистический», подход представлен в трудах таких выдающихся ученых 20-го века, как Л.В. Щерба, Ю. Н. Тынянов, Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, Д.С. Лихачев, Ю.М. Лотман и др. Совершенно очевидно также, что словесная (языковая) культура относится к категории произведений человеческой деятельности, к разряду проявления культуры как таковой.

Как известно, в прототипическом

АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНОГО
СОДЕРЖАНИЯ СЛОВА (К ПРОБЛЕМЕ
ОНТОЛОГИИ ПОНЯТИЯ СЛОВЕСНОЙ
КУЛЬТУРЫ)

Ли В.С., д-р филол. наук, проф.
Казакский национальный университет им. аль-Фараби,
Казakhstan

В статье рассматривается лингвистический аспект понятия словесной культуры. В отличие от литературоведческого подхода обосновывается положение о том, что словесная (языковая) культура в своей онтологии – это прежде всего феномен языка, который выступает как продукт творческой речемыслительной (дискурсивной) деятельности языковой личности. Это положение аргументируется анализом семантических процессов, связанных с актуализацией пропозиционального содержания в отглагольных именах русского языка. В результате семантических дериваций формируется неузуальное значение слова как языковой единицы и как концепта, который становится достоянием духовной, словесной культуры.

Ключевые слова: словесная (языковая) культура, семантическая деривация, пропозициональная структура, валентность, актанта, отглагольное имя.

Участник конференции, Национального первенства по научной аналитике, Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

смысле культура связана с деятельностью человека, с его сознательным вмешательством в естественное (природное) состояние чего-либо. Культура, следовательно, – это то, что возделано и обработано человеком, это своего рода результат приложения сил к чему-либо естественному, природному, ставшему данностью и живущему своей жизнью. Подобная биологическая (прототипическая) метафора действительна и по отношению к языку, т.е. его (язык) также можно возделывать и совершенствовать (ср.: работать над своим языком, совершенствовать свой язык, обогащать свой лексикон, работать над словом и т.п.). Языковая (словесная) культура, таким образом, входит в общий ряд видов человеческой деятельности, т.е. в ряд приобретаемых человеком поведенческих навыков. В таком случае язык – это один из природных объектов, который дан человеку «по умолчанию», т.е. это естественный объект, «природный» материал.

«Возделав», обработав язык, человек отдает себя во власть созданной им речевой и поведенческой культуры, вследствие чего он становится членом этой языковой среды; и благодаря этому человек идентифицирует себя и других членов определенного языкового социума. Поэтому понятие «языковая (словес-

ная) культура» может быть истолковано двояко.

1) В биолого-феноменологическом смысле языковая культура – это созданное человеческим сообществом в пределах одного или нескольких языков социально-культурное пространство, определяющее черты речевого поведения всех членов данного социума (обычно этот аспект языковой культуры определяют как свойство образцовых текстов, а также выразительные и смысловые возможности языка вообще). В данном случае языковая культура как категория лингвистики характеризует язык, рассматриваемый в качестве объективного явления (ср.: *в русской языковой культуре, в языковой культуре (практике) англичан, разработанная языковая культура* и т.п.).

2) Языковая культура – это способность использовать возможности языка и следовать его нормам и узусу в конкретных актах и ситуациях вербального и невербального общения (в русской лингвистической традиции здесь обычно используют понятие «культура речи», «культура слова»). Этот аспект относится не к языку как данности, а к человеку или социуму (ср.: *высокая (низкая) культура слова, надо работать над культурой своей речи* и т.п.).

Естественно, эти два аспекта понятия языковой культуры взаимосвязаны.

Вместе с тем их часто отождествляют, говоря, к примеру, о том, что русский язык стал таким-то (обычно плохим) в тот или иной период (ср.: «*необходимо бороться с речевым бескультурьем*» и т.п.). Второй аспект языковой культуры непосредственно связан с другими явлениями и проблемами языка, в частности, с такими, как норма (нормализация) и кодификация языка, стили языка (функциональная стилистика), воздействующая сила языка (риторика и лингвистическая прагматика, теория речевых актов), функционирование языка в определенном социуме (социолингвистика), исторические изменения в языке (например, «история русского литературного языка») и некоторые др.

Как известно, в онтологии культура противопоставляется не антикультуре или бескультурью и т.п. проявлениям человеческого поведения, а природному, естественному материалу, в нашем случае – языку как объективному явлению или объективной данности, языку как способности (возможно, врожденной) человека, языку как системе. В социолингвистическом отношении язык – это культурный феномен, поскольку он «возделывается» человеком, человеческим обществом в ходе его использования, что в итоге формируется то понятие, которое и принято называть языковой (словесной) культурой и которое мы определяем как языковое пространство, в котором вынужден жить человек. Каждый язык «очерчивает» вокруг социума именно своего рода круг, в координатах которого обязан определенным образом вести себя каждый член социума (ср.: русская языковая культура, английская языковая культура, казахская языковая культура и т.п.). Тем не менее, в онтологии своей словесная (языковая) культура предполагает творческую, «возделывающую» деятельность языковой личности. Такая деятельность во многом связана с созданием новых смыслов, «творением» нового концептуального пространства языка, слова. При этом говорящий в определенном смысле экспериментирует со словом, с его внутренней формой, актуализирует определенные смыслы, связанные с разного

рода семантическими преобразованиями, в основе которых лежит семантическая деривация. Проявление этих процессов покажем на примере актуализации пропозиционального содержания в отглагольных именах на –ние в русском языке.

Понятие семантической деривации принято отличать от традиционно выделяемой словообразовательной деривации, при этом под семантической деривацией понимаются лишь процессы смысловой производности в пределах одного многозначного слова. Термин «семантическая деривация», известный еще из работ Д.Н. Шмелева [7] (см. также [3], [5]), как нам представляется, можно использовать по отношению к семантическим связям в пределах как одного многозначного слова, так и в пределах собственно словообразовательных связей. Известно также, что семантическая деривация рассматривается некоторыми лингвистами как частный случай обычного словообразования. По отношению к рассматриваемым нами отглагольным именам семантическая деривация затрагивает область смысловых операций над пропозициональной структурой (актантной рамкой) исходного глагола-предиката, приводящих к формированию новых производных значений в пределах заданного семантического континуума. В связи с этим можно говорить о моделях семантической деривации, т.е. правилах или закономерностях, по которым преобразуются семантико-синтаксические отношения между актантами, в результате чего образуется новая содержательная единица в пределах единого когнитивно-пропозиционального пространства (поля). Такое понимание модели семантической деривации соотносится с металингвистическим определением ее, используемым для толкования лексем или для анализа их семантической структуры, как это представлено, например, у Е.В. Падучевой: «Модель семантической деривации – это правило, которое позволяет получить толкование производной лексемы из толкования более исходной (аналогично тому, как это требуется от словообразовательной модели)» [6, с. 398]. Исходное значение в группе отгла-

гольных имен на –ние определяется пропозициональным содержанием глагола-предиката.

В группе отглагольных имен (имен ситуаций) по мере понижения степени вербогенности, т.е. степени влияния глагольного значения на семантическую структуру отглагольных имен на передний план выдвигается предметное значение, прежде всего абстрактной предметности, не утрачивающей, однако, связи с категориальным значением глагольного слова вообще, что дало основание некоторым лингвистам говорить об «опредмеченном» действии как основном значении отглагольных существительных. Конечной точкой семантической деривации актантной структуры глагольного предиката в производных именах и ее результатом являются актантные имена, в которых именование получает лишь один из актантов. В зависимости от этого отглагольные имена начинают обозначать производителя действия, предмет, являющийся результатом определенного действия, место, связанное с тем или действием. При этом синтаксическом отношении они утрачивают соответствующую валентность, которая и замещается отглагольным именем. Таким образом актуализируется «в светлом поле сознания» какой-то определенный смысловой компонент слова как результат «работы над словом». И эта работа сродни, по точному замечанию А.А. Залевской, работе лазерного луча: «...слово начинает играть роль лазерного луча при считывании голограммы... Образ лазерного луча при считывании голограммы должен был акцентировать внимание на том, что для пользователя языком в естественных ситуациях (в отличие от условий лингвистического анализа) важно не слово само по себе, а именно то, что стоит за словом, т.е. хранится в памяти и может быть из нее извлечено во всем богатстве установленных сущностей...» [1, с. 190]. Это «богатство сущностей», став культурным достоянием, в речемыслительной деятельности языковой личности всегда подвергается семантической обработке и переработке.

Так, имена производителя действия утрачивают левую валентность глагольного предиката, и тем самым они обозначают субъект действия типа *управление фирмы, командование армии, правление компании и т.п.*: *Подкрепление подошло. Турки, заметив его, тотчас исчезли* (А. Пушкин). *Между заводскими служащими носились слухи, будто бы правление ассигновало на устройство парадного обеда около двух тысяч рублей* (А. Куприн).

Как можно заметить по приведенным примерам, производителем действия или носителем событийного состояния выступает субъект в виде совокупности лиц, поэтому они идентичны агентивным существительным со специализированными суффиксами *-тель, -чик (щик), -ник, -ист* и др. Но в отличие от последних отглагольные имена на *-ние* выражают субъект нерасчлененно, т.е. так, как это происходит в собственно собирательных существительных типа *учительство, молодежь, жулье*, где значение собирательности выражают специальные суффиксы.

Имена орудия действия (*крепление, сцепление, зажигание* и т.п.) по своей семантико-синтаксической природе принципиально не отличаются от имен производителей действия, т.е., как и последние, именуют левый (субъектный) актанта. Кроме того, они также обозначают орудие или способ действия в виде собирательности: *Что наши люди могут при этом – и в самых изнурительно-враждебных стеснениях от власти – творить чудеса, уже показано на крохотных приусадебных участках, кормивших страну при дутой колхозной системе* (А. Солженицын).

Значительно чаще отглагольные имена на *-ние* обозначают правый актанта, что обусловлено большей значимостью правой валентности у глагола. Непосредственно отглагольные имена данной семантической модели именуют объект или результат действия или место действия. Имена объекта или результата действия сближаются с конкретно-предметными существительными (*клубничное варенье, ученическое сочинение, научное исследование, пе-*

риодическое издание и т.п.). Вместе с тем в них значительно выше степень вербогенности, чем в именах, обозначающих левый (субъектный) актанта: *Если в описаниях историков, в особенности французских, мы находим, что у них войны и сражения исполняются по вперед определенному плану, то единственный вывод, который мы можем сделать из этого, состоит в том, что описания эти не верны* (Л. Толстой).

Процесс опредмечивания в этой группе отглагольных имен подчеркивается и грамматически, а именно, употреблением их в форме множественного числа, как это представлено в приведенном примере. Ср. также: *Порой на каменистых срезах гор обнажались вкрапления серебристо сверкающей породы* (Ю. Нагибин). Наряду с этим характерной чертой их является высокая степень влияния на них процессуального значения базового глагола-предиката, что приводит порой к контаминации двух семантических моделей, например: *Но обладание умеренной собственности, не подавляющей других, – входит в понятие личности, дает ей устояние* (А. Солженицын) – ‘результат определенного процесса’ и ‘состояние’. Ср. также употребление слов издание и творение в следующем примере: *Когда в 1831 г. академик А.Х. Востоков выпустил первое издание своей «Русской грамматики», он и не помышлял обращаться к языку газеты. Эталон он видел в языке Пушкина: великий лингвист образцовую русскую речь прозрел в творениях великого писателя и, опираясь на них, создал современную литературную норму* (В. Колесов). Таким образом, отглагольные имена рассматриваемой группы, обозначая правый актанта предиката, сохраняют высокую степень вербогенности, и это не позволяет четко разграничивать в них деривацию лексическую и синтаксическую.

Значительно слабее влияние глагольного (процессуального) значения в именах, обозначающих определенное место, хотя сам процесс семантической деривации в них принципиально не отличается от тех, которые происходят в всех слу-

чаях реализации правой (объектной) валентности предиката: *Я извинился, как мог, назвал себя и предложил ему птицу, застреленную в его владениях* (И. Тургенев). *Главные торговые операции производились в городских рядах, в помещении, которое называлось амбаром* (А. Чехов). В ряде случаев в отглагольных именах места может происходить контаминация предметного значения и процессного значения, унаследованного от глагола, например: *Ограничение земельного участка предельными размерами – само по себе не стесняет трудового смысла и трудовой свободы. Напротив: усилия каждого хозяина будут направлены не на широту владения, а на улучшение обработки, интенсивность методов* (А. Солженицын) – ‘место – земельный участок’ и ‘процессуальное значение – владеть’.

Рассмотренные выше группы отглагольных имен на *-ние*, образованные по нескольким семантико-грамматическим моделям, в которых реализуется пропозициональное содержание в процессе актантажной деривации, обладают разной степенью вербогенности. Но в любом случае связь с глагольной семантикой в них не утрачивается, так как актантажная рамка исходного предиката, в которой проявляется семантическая составляющая категории пропозитивности, мотивирует все семантико-синтаксические трансформации, связанные с функционированием отглагольных имен в конкретных предложениях. В этом отношении показательны примеры неузуального употребления существительных на *-ние*, когда с определенной целью восстанавливается и подчеркивается пропозициональная структура слова. Один из случаев такой актуализации смысла слова отмечает Е.А. Земская: «Особо следует выделить прием подчеркнутого расчленения слова, в котором граница морфем уже стерта; оживлению морфемного шва способствуют присутствующие в тексте окказионализмы аналогичного строения. Из письма А.А. Реформатского: «Хотел бы я знать, в каком ты состоянии, или, что хуже – сосидении, солежании» [2, с. 25].

В свою очередь, отметим прием восстановления внутренней формы слова и, соответственно, пропозициональной структуры с помощью текстовой антонимии. Вот два примера из книги В.В. Колесова «Язык города» [4, с. 6-7, 40].

1. На Стрелке, у Биржи, и дальше, по Невкам, трудились грузчики, мастеровые, перекупщики да артельные, всякая мелкая людь, промышляя ежедневным трудом, кто как может. А по дальним окраинам постоянно вырастали из мастерских большие заводы и фабрики, которые также потребляли людей, но не тех, что жили в центре, и не тех, что проживали на мещанских окраинах столицы. Их зазывали из разных мест России, да и сами они шли из голодных краев, оседая здесь и создавая новый слой общества – рабочий класс.

Кажется, все это было не так давно: в столице жил не народ, а население, здесь не было общего языка, но сосуществовали самые разные наречия, говоры, диалекты, речения...

2. Первые попытки привить французские выражения в петербургском обществе сделал еще В.К.Тредиаковский. Ему не везло. Краснейшее сочинение придумал он для *belles lettres*. Не пошло, предпочли французское слово *беллетристика*, а впоследствии стали передавать его словосочетанием *художественное произведение*. Не красота, а художественность, не сочинение, а произведение – такова окончательная точка зрения, которая сложилась

в России в отношении к этому виду творчества. Серьезная работа, важный труд, а не развлекательность сочинения. Так и слово *сочинитель* в XIX в. под воздействием иноземных образцов заменилось словом *писатель*, потому что труд писателя стал социально важным. На французской почве появился русский узор.

В первом отрывке неузальное противопоставление слов-концептов *народ* и *население* заставляет читателя восстановить внутреннюю форму существительного *население*, его первоначальную пропозициональную природу, чему помогают текстовые ориентиры (маркеры пропозитивности): «их зазывали из разных мест», «они шли из голодных краев, оседая здесь», «сошлись люди разных земель», «потом поселились». Слово-концепт *народ*, в отличие от слова *население*, в приведенном примере актуализирует когнитивно-пропозициональную структуру, базирующуюся на понятии общности или единстве языка. Понятно, что стертая внутренняя форма слов *народ* и *население* не может быть понята и воспроизведена без установления целого ряда когнитивно-пропозициональных репрезентаций мыслительного и мыслимого содержания, заключенного в концепте. Концептуальный анализ, следовательно, вопреки широко распространенному, расхожему мнению, не может выходить за рамки лингвистического анализа, поскольку сам концепт существует лишь в языке, «извлекается» и «вырезается» из языка, «осваивается» человече-

ским сознанием только с помощью языка и, наконец, может быть понят, осмыслен и истолкован также только через языковые структуры, которые и принято называть когнитивно-пропозициональными структурами. Поэтому правомернее считать, что концептуальный анализ – это лишь определенный этап семантического анализа, а не наоборот, когда, по мнению некоторых исследователей, последний признается более широким и объемным в предметно-содержательном отношении.

Противопоставление слов-концептов *сочинение* и *произведение* в приведенном выше примере заставляет актуализировать внутренне присущие им когнитивно-пропозициональные структуры («то, что сочинено» и «то, что произведено»), тем самым позволяя из использования их в речевой (точнее – в дискурсивной) деятельности установить значение слова как языковой единицы и как концепта, который становится достоянием духовной, словесной культуры.

References:

1. Залевская А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» // Ways of solving crisis phenomena in pedagogics, psychology and linguistics. Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences. – Published by IASHE, London, 2012. – p. 189-191.
2. Земская Е.А. Словообразование и текст // ВЯ, 1990, № 6. – С. 21-28.
3. Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009.
4. Колесов В.В. Язык города. – М.: Едиториал УРСС, 2005.
5. Лайонз Дж. Лингвистическая семантика. Введение. – М.: Языки славянской культуры, 2003.
6. Падучева Е.В. Семантические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2010.
7. Шмелев Ж.Н. Избранные труды по русскому языку. – М.: Языки славянской культуры, 2002.

